

• СОДЕРЖАНИЕ •

Александр Руж
ИГРА В АМЕРИКАНКУ
7

Елена Логунова
ФЕЯ С ПАЛОЧКОЙ
62

Татьяна Устинова
У МЕНЯ ЗАЗВОНИЛ ТЕЛЕФОН
106

Марина Крамер
ПРИВИЛЕГИЯ ЖЕНЩИН
119

Наталия Антонова
А ЗОЛУШКА НЕНАСТОЯЩАЯ!
161

Наталья Александрова
ПОВОРОТ СЮЖЕТА
247

Людмила Мартова
ПОСЛЕДНИЙ СЕКРЕТ «ТИТАНИКА»
260

АЛЕКСАНДР РУЖ

• ИГРА В АМЕРИКАНКУ •

Зима 1846 года выдалась в Петербурге необычайно суровой. Нет, морозы стояли отнюдь не сибирские, но сильный ветер, постоянно дувший с моря, перенасыщал воздух сыростью, и от этого делалось особенно холодно. В последние декабрьские и первые январские дни непогода загнала столичный люд в дома и рестораны, число прохожих на улицах заметно поубавилось, зато извозчики стали куда более востребованными, чем обычно.

Инженер Алексей Петрович Максимов сидел напротив окна в одной из комнат квартиры, снятой им на Коломенской улице. На коленях у него лежали местные «Ведомости» с хроникой происшествий, где сообщалось о восьми бродягах, насмерть заледеневших за сутки на территории города. Но взгляд

его был устремлен не на газету, а в оконный проем. Там пуржило, по мостовым гроыхали коляски, продрогшие лошадки бежали шибкой рысью, не понукаемые возницами. Они хотели согреться, и быстрое движение оставалось для них единственным способом сохранить тепло.

Алексей Петрович, или по-домашнему Алекс, взял со столика объемистый бокал, сделал изрядный глоток горячего глинтвейна, который мастерски готовила служанка Вероника, и блаженно вздохнул. Созерцание снежной коловерти делало пребывание в надежно утепленных стенах, рядом с натопленным камином, еще более уютным. Мягкое кресло, клетчатый плед, любимая жена — и вам абсолютно все равно, какие природные катаклизмы разыгрываются за пределами комфортного семейного гнезда.

— Нелли... будь добра, плесни мне еще глинтвейну, — попросил Максимов, ленно потягиваясь и роняя «Ведомости» на паркетный пол.

Попросил бы Веронику, но та ушла на Ямской рынок за продуктами для обеда. Максимова были достаточно молодыми и самостоятельными людьми и предпочитали обходиться почти без слуг. Вероника жила в их поместье в Псковской губернии, и это был ее дебютный выезд в Петербург. Можно сказать, сама

напросилась: когда господа, справив в деревне Рождество, засобирались в столицу, куда Алекса звали неотложные дела, Вероника — незамужняя и крайне любопытная деваха — пала им в ноги и умолила взять с собой. Дескать, обрыдло в глухомани торчать, посередине лесов с медведями и волками, желаю хоть глазком на мир посмотреть, к культуре приобщиться. Максимов посчитал ее просьбу резонной, заодно рассудив, что Вероника в Питере возьмет на себя домашние хлопоты и избавит господ от повседневной рутины.

— Нелли! — повторил он, не получив ответа, и красноречиво шаркнул доньшком опустевшего бокала по столешнице.

— Сейчас... — рассеянно отозвалась супруга, сидевшая тут же, в комнате, у камина и шелестевшая старыми бумагами.

Нелли, она же Анита, она же Анна Сергеевна, урожденная сеньорита Моррентес, а ныне госпожа Максимова, уже несколько лет жила в России. Ее здесь все устраивало, не привыкла она лишь к холодам. В деревенской усадьбе ее привела в восторг огромная русская печь с лежанкой, называемой *rolati*. В стылom Петербурге приходилось довольствоваться камином, да и дрова здесь были безобразно дороги. Впрочем, Максимов на отоплении не экономил, в квартире никто не зяб. И все же теплолюбивая Анита предпо-

читала держаться поближе к огню, тем более что он являл собою дополнительный свет — немаловажное обстоятельство в сумеречный зимний вечер.

Анита посчитала, что начало года — отличный повод разгрести архивы, которых она накопила немало с тех пор, как еще в ранней юности начала собирать все, что так или иначе вызывало у нее интерес. Сейчас перед ней на ковре внавалку лежали книги, блокноты с дневниковыми записями, перевязанные тесемками пачки пожелтевших писем, журнальные вырезки и прочее, и прочее. Она так увлеклась их сортировкой, что пропустила просьбу Алекса мимо ушей. К тому ж невелик барин — в состоянии сам дотопать до кухни.

Он подождал немного, понял, что обожаемая Нелли обслуживать его не собирается, и с кряхтением выпростался из кресла. На его счастье, громыхнула входная дверь — это вернулась Вероника, нагруженная покупками. Ее полушубок заиндевел, а шерстяной платок, которым она укутала голову, покрылся колким инеем. Раскрасневшееся лицо было обветрено, а ресницы смерзлись стрелками. Выгрузив на кухне поросячью ногу, задубелый шмат сала и увязанный в тряпицу фунт соли, она скинула верхнюю одежду и принесла Максиму вожделенный глинтвейн. Хозяева, очевидно, не умирали от голода, поэтому она

не помчалась стремглав растапливать плиту, а воспользовалась паузой и, греясь у камина, принялась трещать о том, что видела и слышала на рынке.

Алекс и Анита привыкли к ее болтовне. Необразованную, мало что видавшую в жизни холопку поражало в стольном граде буквально все: от монументальной и вычурной архитектуры до изобилия товаров в лавках. Вероника отличалась наблюдательностью и нередко подмечала то, мимо чего другие проходили с равнодушием. Нынче днем ее внимание привлекла сценка, которую она охарактеризовала «и смех, и грех».

— Прихожу я на базар, — стрекотала она взахлеб, нисколько не беспокоясь, слушают ее или нет, — а там гвалт! Мужик растрепанный промеж прилавков бегаёт и валенками трясёт.

— Это как? — снисходительно уточнил Максимов, потягивая из бокала пахучее животворящее варево. — Ноги вскидывает, что ли?

— Да нет! Валенки он в руке держал. Махал ими во все стороны и орал, как блаженный: «Где этот чертов цыган? Я ему щас рыло набок сворочу и волосья повыдергаю!»

— Из-за чего же он так обиделся? — осведомилась Анита, не прерывая своего занятия.

Вероника, довольная тем, что от нее не отмахнулись, как чаще всего бывало,

и не напомнили о стряпне, пустилась рассказывать о происшествии с красочными подробностями.

С ее слов нарисовалась живописная картина. Мужик с валенками до того разъярился, что стал сметать в снег товары с лотков у всех продавцов, кто хоть немного походил ликом на цыгана. Поднялась буча, вызвали жандармов, они скрутили буяна. Думали, что пьян, но хмельным от него не пахло. На расспросы о причинах учиненного скандала он отвечал, что намедни утром на этом самом рынке какой-то проходимец продал ему пару валенок. С виду они были крепкими и ладными, торговец без устали расписывал их достоинства, уверял, что и теплы, и удобны, и сносу им не будет лет десять.

Легковерный покупатель принял все за чистую монету. Он тут же примерил обновку, она пришлась ему впору. Он заплатил за нее рубль серебром и в хорошем настроении ушел домой. Случился, однако, непредвиденный казус: не успел мужик дошагать до доходного дома, где остановился на неделю (приехал из новгородского села навестить родню), как почувствовал, что ступни промокли, а в валенках хлюпает. При детальном осмотре выяснилось, что хваленая обувь худа, как решето. Хитроумный торгаш взял негодные, сильно поношенные валенки, окунул их в воду и вы-

ставил на воздух. Мороз сковал их снаружи, скрепив расползшийся войлок. Жулик считил корку, оставив лед только в порах. Валенки смотрелись образцово, но лишь до первой носки. Когда их новый владелец прошел с версту, они нагрелись изнутри, ледяные спайки подтаяли и потекли. Вследствие естественного физического процесса в валенках образовались болотца, а сами они расползлись еще пуше, чем было до заморозки. Дело в том, что лед, въевшись в толстую оболочку, разрыхлил ее, раздвинул волокна, и когда он растаял, голенища, а с ними и остальные части, превратились в месиво.

С этими-то раскисшими, ни к чему уже не пригодными валенками обманутый мужик и прибежал на рынок искать обидчика. Да разве его сыщешь! Мошенник, предвидя подобный оборот, благоразумно ретировался.

Жандармы завелись с выяснением примет, стали опрашивать всех, кто его видел и запомнил, но Веронику, перестоявшую на стуже добрых полчаса, следственные действия уже не заботили. Она купила все, что ей было нужно, и ушла домой греться.

— Сколько еще дураков на свете! — резюмировал Максимов, позевывая.

История, поведенная служанкой, показалось ему чепуховой. Мелкий житейский анекдотец, ничего более.

Веронику услали-таки на кухню готовить обед. В ожидании трапезы Алекс подумывал о еще одной порции глинтвейна, как вдруг Анита промолвила:

— Вот тебе типично зимнее преступление.

— Что ты имеешь в виду? — не понял он.

— Я говорю, что такую аферу нельзя было провернуть в другое время года. Только зимой.

— Да? — Он призадумался. — Пожалуй, ты права. Но это единичный случай, к тому ж пустяковый. Вряд ли ты сумеешь привести примеры других сугубо зимних преступлений, причем по-настоящему серьезных.

— А что ты называешь по-настоящему серьезным преступлением? Убийство?

— Да... например. Уж тут-то никакой сезонности не бывает. Застрелить или зарезать человека можно в любое время года.

В глазах Аниты блеснул азарт, она отложила связку писем, которую перед тем просматривала.

— А если я приведу тебе не один пример, а целых три? И докажу, что бывают воистину серьезные проступки, которые невозможно совершить ни в какое иное время, кроме зимы?

Алекс обладал игроцкой жилкой, заставлявшей его иногда совершать маленькие глупости. Вдобавок он находился под расслабляющим воздействием глинтвейна, поэтому без

— Хорошо. На что спорим?

Анита ответила моментально:

— Если ты проиграешь... в чем я не сомневаюсь... то исполнишь любое мое желание. А какое именно — узнаешь позже.

— А если проиграешь ты?

— То же условие: ты загадываешь, я исполняю.

— У нас это называется «американка». Ставка вслепую.

— Так ты готов?

— Идет! Давай свои примеры. Но учти: они должны быть убедительными.

— Постараюсь... — Она ногой отпихнула груды бумаг и пересела поближе к Алексу. — Для наглядности представь себе: все, о чем я буду говорить, происходило с одной особой... чем-то похожей на меня, только помоложе. Если ты не против, назовем ее Анни.

— Анни? Хм... Что ж, пускай будет Анни.

— Итак, она волею обстоятельств однажды оказалась в Северной Италии, в предгорьях Альп. Там с нею и ее спутником... дадим ему имя Диего... произошел

первый загадочный случай.

Стояла зима — начало или середина декабря. Морозы были вполне терпимые, зато снег валил с завидным постоянством. Из-за этого многие горные дороги оказались перерезаны,

и нашим героям пришлось, вопреки намеченным планам, задержаться в скромной маленькой гостинице, прилепившейся к склону.

Эта задержка не расстроила Анни. Вообрази себе девушку, выросшую под солнцем Испании и не видевшую снега. А тут — великолепные пейзажи! Белые мохнатые шапки на вершинах, узоры инея на оконных стеклах, искристые россыпи во дворе... Все это впечатляло и завораживало.

В гостинице на тот момент проживали еще три постояльца: молодая пара из Венеции и один начинающий воздухоплаватель, который, желая произвести сенсацию, собирался перелететь через альпийскую цепь на своем водородном аэростате, но какая-то поломка вынудила его совершить экстренную посадку. Аэростат болтался на привязи неподалеку от гостиницы, а воздухоплаватель целый день возился в гондоле, починяя клапан или еще что-то. К вечеру он замерз и явился на ужин в общую столовую дрожащий и посиневший.

В столовой он застал всех своих соседей: Анни, Диего и венецианскую парочку. О последней надобно рассказать поподробнее. У меня нет охоты напрягаться и придумывать им итальянские имена, поэтому назовем их банально: Пигмалион и Галатеея. Почему так? Да потому что молодой человек, происходивший из семьи стеклодувов, всерьез увле-

кался скульптурой. У него были умелые руки, он мог за считанные минуты вырезать изящный сувенир из дерева или вылепить из гипса премилую статуэтку, превратить бутылочный осколок в симпатичную брошь. Галатея, в свою очередь, была единственной дочерью зажиточного коммерсанта. Не обладая талантами, она, тем не менее, отличалась красотой, и Пигмалион, судя по его речам и взорам, обожал ее безумно.

Они поженились недели две тому назад и отправились в свадебное путешествие. Надо же было такому случиться, что воздухоплаватель, с которым судьба случайно свела их в альпийской гостинице, бросился к Галатее с криком: «Ты ли это? Не может быть!» — и пылко расцеловал ее в обе щеки. Такое проявление чувств очень не понравилось Пигмалиону, он затеял с нахалом ссору, которая, не исключено, привела бы к поединку на шпагах или пистолетах. Однако Диего вместе с владельцем гостиницы разняли драчунов, и смущенный аэронавт принес Пигмалиону свои извинения. Он, видишь ли, был другом детства Галатеи, но вот уже лет десять, как они не виделись. О ее замужестве он ничего не знал, потому и не сдержал эмоционального порыва.

Галатея подтвердила его слова, но Пигмалион, снедаемый ревностью, не успокоился.

Он спросил у отельера, нет ли поблизости другого места, пригодного для ночлега. Ему не хотелось оставаться с воздухоплателем под одним кровом. Отельер ответил, что примерно в миле к западу есть уединенный домишко, который тоже принадлежит ему и в данное время пустует. Если Пигмалион хочет, то может переселиться туда с Галатеей, в домике есть все необходимое: спальня, гостиная, кухня с печью и баком для подогрева воды, а провиант можно взять с собой.

Пигмалион, несмотря на возражения Галатеи, незамедлительно согласился, и парочка тем же вечером переселилась в новые апартаменты. Хозяин гостиницы предложил в качестве носильщика своего слугу, но Пигмалион отказался, заявив, что багаж невелик, и он без посторонней помощи довезет его на лошади. Молодоженов сопровождали Анни и Диего. Пигмалион проникся к ним доверием, всю дорогу с откровенностью истого итальянца восклицал, как он любит Галатею и как бесят его всякие наглецы, осмеливающиеся выказывать ей симпатию.

Домик в горах выглядел очаровательно — истинный рай для влюбленных. Чистенький, опрятный, окруженный ровной площадкой, которую с одной стороны замыкали горы, а с другой — лес. Вид из окон открывался умиротворяющий, и Пигмалион мало-помалу

пришел к душевному равновесию. Он предложил Анни и Диего выпить по стакану вина, но они спешили возвратиться в гостиницу до того, как окончательно стемнеет, поэтому отклонили любезное предложение, пообещав навестить добровольных отшельников следующим утром. С тем и удалились.

Ночь прошла без происшествий и ознаменовалась очередным обильным снегопадом. Наутро, еще до завтрака, воздухоплаватель завершил ремонт аэростата и улетел. После вчерашней размолвки он, по всему виду, испытывал неловкость, считал, что доставил Галатее неудобства, и торопился продолжить путь, чтобы не стеснять влюбленных своим присутствием.

Хозяин гостиницы собирался известить Пигмалиона о том, что его соперник отбыл. Анни и Диего, как раз вознамерившиеся прогуляться, вызвались доставить эту весть по назначению. Они пустились по знакомой тропе. Идти было нелегко, они увязали в снегу по колено, зато какой же изумительно прекрасный ландшафт развернулся перед ними! У подножия гор землю как будто устилали мириады крошечных драгоценных камней. Они переливались, сияли на солнечном свете, и посреди этого великолепия возвышалось занесенное до карнизов обиталище счастливых возлюбленных.

Увы, идиллия разрушилась сразу же, как только наши герои переступили порог. Дверь почему-то оказалась незапертой, снаружи ее подпирал сугроб. Диего сначала постучал, но никто не откликнулся. Потом Анни показалось, что из домика донесся сдавленный стон. В Диего было двести тридцать фунтов весу, он разбежался и ударил в дверь плечом, как тараном. Она слетела с петель. Теперь стон слышался совершенно явственно. Наши персонажи прошли в спальню и застали ужасное зрелище: на постели, разметавшись, лежала Галатеея с колотой раной в груди. Беглого взгляда оказалось достаточно, чтобы сделать вывод: помощь несчастной уже не требуется.

Но кто же стонал? Они перешли в столовую и увидели Пигмалиона, который скорчился на полу у стола, накрытого на двоих. Анни, имевшая обыкновение примечать любые мелочи, запечатлела в памяти легкий ужин в тарелках (ломтики сыра, отварная телятина и чуть-чуть фасоли). Еда была не тронута, а вот бутылка кьянти оказалась откупоренной, из одного бокала отпили примерно половину, а второй стоял наполненный до краев.

Пигмалион находился в сознании, но плохо соображал, что происходит. На расспросы отвечал, что вчера поздно вечером они с Галатееей сели ужинать. Он отпил из своего бокала вино, бутылку которого вместе со съестными

припасами дал ему хозяин гостиницы, и тотчас его замутило. Галатея, не успевшая сделать ни глотка, побежала в спальню за желудочными пилюлями, хранившимися в багаже, но так и не воротилась. Пигмалион сполз со стула и лишился чувств. Что было дальше, он не знает. По видимости, он всю ночь пролежал в беспамятстве и очнулся незадолго до прихода Анни и Диего.

Когда ему сообщили, что Галатея мертва, он впал в буйство, стал терзать свою пышную волнистую шевелюру и выкрикивать бездарные проклятия. Анни побежала в гостиницу за подмогой, а Диего остался с безутешным вдовцом, опасаясь, как бы тот не сошел с ума и что-нибудь с собой не сотворил.

Прибыл лейтенант корпуса карабинеров с двумя подчиненными и врачом. До их прихода ничего в домике не трогали. Врач установил, что Галатею закололи прямым ударом в сердце. Злодеяние произошло не позднее часу ночи. Это согласовывалось с показаниями Пигмалиона, утверждавшего, что ужин начался около половины первого. Орудием убийства послужил четырехгранный клинок. Немедля произвели обыск, но не обнаружили никакого инструмента, хотя бы отдаленно напоминавшего стилет или кинжал.

В оставшемся кьянти — как в бутылке, так и в бокалах — нашли солидную дозу отрав-

ляющего вещества. Пигмалиону повезло, что он выпил не так много, иначе, несомненно, отправился бы на тот свет. Но, рыдая над трупом Галатеи, он приговаривал, что лучше было бы умереть вместе с ней, поскольку жизнь потеряла для него смысл.

Хозяин гостиницы божился, что злополучное вино взято из его погребов, и он ручается, что оно не было отравлено. Подозрения против него почти сразу были отринуты, ибо он не имел ни малейшего повода желать смерти своим постояльцам, и тем более глупо так откровенно себя подставлять. Значит, заключил лейтенант, бутылку подменили. Но убийца этим не ограничился и незаметно проследовал за жертвами, желая убедиться, что коварный план сработал. Через окно он увидел, что Галатея избежала трагической участи. Он забрался в дом, зарезал ее, после чего заглянул в столовую, где Пигмалион неподвижно распростерся на полу, и, решив, что дело сделано, убрался вон.

Версия, надо отдать ей должное, не лишена логики, однако к ней сразу же появились претензии. Во-первых, Пигмалион точно помнил, что дверь в дом была заперта изнутри на засов, следовательно, открыть ее снаружи не представлялось возможным. Во-вторых, и это не менее существенно, снегопад прекратился еще до гибели Галатеи. Анни могла при-

сягнуть: когда они с Диего подошли к домику, сугроб под дверью выглядел целехоньким. Ни единого изъяна не было и на снежном покрывале, простирившемся вдоль стен. Это означало, что после убийства никто не входил в домик и не покидал его.

Естественно, подозрения пали на самого Пигмалиона. Его отчаяние по поводу гибели супруги и проливаемые слезы не могли послужить стопроцентным алиби. Но, как я уже сказала, обыск не принес результатов — карабинеры признали, что ему попросту нечем было совершить преступление. Сжечь клинок в камине нельзя, выточить его изо льда, а затем растопить — идея, годящаяся разве что для бульварных романов. Ты скажешь, что Пигмалион мог выбросить оружие из окна, и оно утонуло в пороше. Подобная мысль пришла к лейтенанту, и снег под окнами тщательно просеяли. Это ровным счетом ничего не дало, так что обвинения против мужа, в одночасье ставшего холостяком, отпали.

Здесь-то и всплыла фигура аэронавта. Припомнили его ссору с Пигмалионом и спешку, с какой он утром покинул гостиницу на своем воздушном шаре. Вот кто имел возможность проникнуть в дом, не потревожив девственных снеговых покровов! На втором этаже домика был балкон. При должной сноровке воздухоплаватель мог, снизившись, привя-

зять к нему аэростат и войти в спальню через французское окно, которое было приоткрыто для проветривания. Что до вина, то бутылку он подменил во время ночлега в отеле.

Новую гипотезу сочли более разумной. Воздухоплатателя объявили в розыск. Пигмалион твердил, что Галатеея перед ужином призналась: этот субъект преследовал ее и угрожал расправой, если она предпочтет ему кого-либо другого. Конечно же, в гостинице он появился не случайно, а авария воздушного аппарата — лишь предлог, чтобы задержаться и воплотить задуманное.

Словом, не имея лучших предположений, стражи порядка начали охоту за бесследно исчезнувшим летуном. Анни не разделяла их рвения. В глаза бросались очевидные нестыковки. Даже будучи многоопытным аэронавтом, чрезвычайно сложно достигнуть на неуправляемом шаре маленького домика, да еще и ювелирно пристыковаться к балкону. И какой, скажите на милость, смысл сначала подсовывать отравленное вино, а после доканчивать дело кинжалом? Тогда можно было и вовсе обойтись без отравления. Воздухоплататель был сложен атлетично и легко справился бы с худощавым скульптором...

Немного погодя в том же домишке, где в ходе обыска все перевернули вверх дном, Анни подобрала ступку и тяжелый пестик,

показавшиеся ей странными. Ты спросишь, в чем странность? К поверхности пестика и доньшку ступки прилипли крохотные стеклянные крошки. Их было ничтожно мало, но Анни, обладая острым зрением, не упустила этого факта. В ее голове мелькнула догадка, подтвердить которую можно было только путем еще одной проверки.

Анни вышла из домика и посмотрела на перекопанный и просеянный снег вокруг него. Казалось бы, на что она рассчитывала после того, как здесь потрудились дошлые карабинеры? Но она знала, в чем их ошибка. Они искали цельный предмет или, на худой конец, обломки, а надо было — те же самые крошки, что обнаружили в ступке. Анни зачерпнула снег в нескольких местах под окнами и растопила его на огне в тазу. Снежная крупа растаяла, и на дне таза осела горстка толченого стекла.

Теперь все стало понятным. Анни поделилась своими соображениями с лейтенантом. По ее мнению, Пигмалион кропотливо готовился к убийству Галатеи: ждал подходящей погоды, заранее изготовил клинок из стекла (элементарная задача для потомственного мастера). Разумеется, он знал о существовании уединенного домика и рано или поздно нашел бы повод, чтобы переселиться туда с Галатеей, покинув гостиницу. Появление воздухоплава-

теля стало подарком судьбы. Оно позволило сбить карабинеров с толку. На самом же деле никто к домику не подлетал и не исполнял акробатических этюдов, перелезая через балконные перила. Пигмалион сам зарезал Галатею, а клинок вымыл, раздробил и растолок в ступке до мельчайшего крошева, которое затем рассеял из окна тонким слоем. Стекланные крупички смешались со свежавыпавшим снегом и ничем не отличались от него.

Что дальше? Он всыпал в бутылку яд, но сам пить вино не стал, выплеснул немного в камин. Дождался, когда утром придут приглашенные им гости, и изобразил муки отравленного человека. В том горном районе — и это он тоже знал! — не нашлось бы квалифицированных медиков, способных уличить его в симуляции. Так он превратил себя из убийцы в жертву и избавился от орудия преступления.

Как видишь, все просто. Но лейтенант, выслушав Анни, кисло улыбнулся. Он сказал, что это не более чем плод ее фантазии. Но если она и права, то как доказать вину преступника? Крупинки стекла в ступке и под окнами — не улики. Можно придумать сотню объяснений, почему они там оказались. Свидетелей убийства нет, значит, Пигмалион без усилий оправдается, особенно если прибегнет к услугам адвоката-профессионала.

Все же по настоянию Анни следователи занялись его личностью, и это стало для него губительным. Он, как оказалось, был уже трижды вдовцом, причем его предыдущие жены погибали при столь же туманных обстоятельствах. И заметь: все они были богаты. Пигмалион получал наследство, благополучно проматывал его на бегах и за ломберным столом, после чего менял фамилию и расставлял сети в ожидании следующей добычи в лице какой-нибудь молоденькой глупышки.

— Его посадили в тюрьму? — спросил Максимов.

— Нет. Он все проделывал так хитроумно, что... как говорят русские?.. прищучить его не удалось. Но, как многие великие комбинаторы, он прокололся на мелочи — играл однажды в покер, а соперник заподозрил его в шулерстве, вызвал на дуэль и хладнокровно прикончил выстрелом в лоб. Ходили слухи, что то была месть брата одной из погубленных им девушек.

— Это все?

Анита кивнула. Алекс поудобнее расположился в кресле, взболтал остатки глинтвейна в бокале.

— Спорить не буду: зима и, в частности, снег сыграли в твоей истории решающую роль, без них было не обойтись. Но что-нибудь еще в таком же духе ты вряд ли придумаешь.

— Я уже придумала, — с невозмутимостью произнесла она. — Желаете послушать?

— Конечно! Мы же с тобой поспорили. Примеров должно быть три, а ты пока привела всего один.

— Наберись терпения. И представь, что наши Анни и Диего переместились из Италии в... ну, пускай в Швецию. Где с ними приключился

второй загадочный случай.

Ты не поверишь, но мороз тогда был такой, что птицы околевали на лету. Ах, да... ты же русский, для тебя это неудивительно. А вот Анни впервые попала в столь адские условия. Она куталась в шубу, терла варежками щеки, и все равно ей было чертовски холодно.

Случилось так, что они с Диего должны были съездить по поручению одного знакомого в северный район Швеции. Я забыла упомянуть, что наши герои путешествовали по Старому Свету не от хорошей жизни. Они бежали из своей страны, где воцарился хаос, и искали какое-нибудь прибежище, чтобы переждать там лихие времена. С деньгами у них было туго, и если бы не многочисленные приятели Диего, который в ранней молодости служил дипломатом, они бы пополнили ряды каких-нибудь отверженных клошаров. Прия-

тели если и не давали в долг, то, по крайней мере, снабжали рекомендациями, помогавшими найти приют. За это иногда приходилось выполнять некоторые их просьбы.

В том феврале, когда хороший хозяин собаку бы не выгнал из дома, Анни и Диего поехали на север, чтобы передать письмо от стокгольмского мецената...неважно, кому. Эти нюансы для нас не имеют значения.

Они ехали на оленьей упряжке, попали в буран. Сани перевернулись, погонщик — или как он там зовется у скандинавов? — погиб, олени, вырвавшись из постромок, разбежались. И все это произошло в чистом поле.

Ни Диего, ни Анни не знали местности, в которой очутились. Они пошли наугад, на свое счастье, добрались до деревушки с горсткой лачуг и постучались в первую попавшуюся. Им открыл сердитый человечек — низенький, с красной лысиной, в круглых очках, делавших его похожим на профессора. Как позже разъяснилось, он и вправду был профессором, а наши герои оторвали его от важного химического опыта.

Профессор поначалу не выказал желания впускать странников в дом, но Анни со свойственным ей обаянием сумела его переубедить. Он проникся сочувствием к заблудившимся чужестранцам и разрешил им остаться, пока не утихнет вьюга. Он даже накормил

их обедом — вареной картошкой и похлебкой из рыбы.

Когда они ели и отогревались у жаркой печи, пожаловал еще один гость. Его звали Гастоном, он прибыл из Гетеборга, но принадлежал к бельгийской нации и с профессором общался на языке галлов. Анни владела им в совершенстве. Из реплик, которыми обменивались эти двое, она поняла, что они дружны с юности, вместе обучались в Сорбонне, и, хотя живут нынче в разных странах, дружба не прекращается, чему способствуют взаимные визиты и активная переписка.

Гастон оказался угрюмым и малоречивым. Возможно, его стесняло присутствие чужаков, при которых он не хотел откровенничать. Следует сказать, что профессор был тем еще оригиналом. Он обмолвился, что совершил несколько эпохальных открытий и мог бы жить в хоромах, однако предпочитает им глухомань и эту утлую хибару, потому что здесь никто не мешает ему заниматься научными изысканиями. Тишина и уединение — вот все, что ему нужно.

Сразу после обеда пришел местный житель и принес вязанку дров. Он был единственным, с кем профессор поддерживал контакт в деревне, и то лишь по необходимости, так как нуждался в топливе и продовольствии. Крестьянин в лохматой шапке свалил дрова возле печи, получил деньги за услугу и как

бы невзначай обронил фразу на шведском, приведшую профессора в бешенство. Тот обругал аборигена и выставил за порог. Анни спросила, чем вызвана такая немилость, на что профессор пробурчал:

«Этот невежда говорит, будто минувшей ночью в деревне опять видели следы Черного Свена».

«Черный Свен? — заинтересовалась Анни. — Кто это?»

Профессор с неохотой пересказал ей и Диего старинную легенду, бытовавшую в этих краях лет двести. Отсталое и необразованное население верит в существование охотника-невидимки по прозвищу Черный Свен. Когда-то он был обычным человеком, которого подло погубил давний друг и сбежал с его невестой. С той поры Черный Свен бродит по окрестностям и отстреливает людей по своему выбору. Он заключил сделку с дьяволом, получив от него в дар невидимость и неуязвимость. Каждый год в селениях, расположенных в округе, кто-нибудь да пропадает, и это списывают на Черного Свена. Он подкрадывается незаметно, стреляет из незримого ружья незримыми пулями. Выдать его могут только следы несоразмерно огромных сапог, появляющиеся ниоткуда и ведущие в никуда.

«Но вы в эти сказки не верите?» — усмехнулся материалист Диего.

«Конечно, нет, — недовольно молвил профессор. — Темный народ, сплошные предрассудки... Что до пропадающих зверобоев и рыболовов, то в этом нет ничего сверхъестественного. Рыбаки проваливаются под лед, тонут, а добытки дичи попадают в волчьи и медвежьи пасти. При чем здесь призрак-невидимка?»

Анни тоже не поверила в байку о привидении, но атмосфера в доме, за окнами которого уже сгустился вечерний сумрак, показалась ей пропитанной злом.

«А вы? — обратилась она к молчавшему Гастону. — Что вы думаете о здешних суевериях?»

«Нелепый вопрос, сударыня, — огрызнулся он. — Профессор переехал сюда всего полгода назад. Я впервые навещаю его здесь, поэтому не считаю себя вправе судить о происходящем».

Больше он не прибавил ни слова.

Метель до ночи так и не прекратилась, и профессор разрешил Анни с Диего пробыть у него в гостях до утра. Он подобрел, заговорил с ними дружелюбно. Анни померещилось, что он, хоть и выражает расположенность к Гастону, не желает оставаться с ним один на один под покровом тьмы.

32 Внутреннее пространство дома состояло из двух комнаток. Профессор отличался аске-

тизмом и довольствовался минимумом мебели: двумя односпальными кроватями, столом и четырьмя стульями, не считая шкафчиков и этажерок, заставленных книгами, химической посудой и мудреными приборами.

Анни и Диего хозяин предложил отдельную комнату, тесную, зато теплую, что в шведский зимний сезон, согласись, немаловажно. Сам профессор со своим приятелем расположились на соломенных тюфяках в другой комнате, смежной с подобием сеней или, говоря по-европейски, прихожей. За ужином обнаружилась нехватка свечей. В распоряжении обитателей домика остался единственный огарок, которого должно было хватить не более чем на полчаса. Профессор наскоро оделся и отправился к своему снабженцу-крестьянину, жившему по соседству.

Отсутствовал он недолго, а когда вбежал в дом, на лице его, обрамленном седой бородой, ясно читалась растерянность.

«Что с вами? — удивился Гастон. — Вы словно фантом увидели».

Профессор молча повел всех во двор и показал на исполинские следы, отпечатавшиеся на свежем снегу. Белая пелена быстро затягивала их, но Анни и остальные успели рассмотреть отпечатки гигантских сапог, которые пришлось бы в пору разве что великану вышиной в десять-двенадцать футов.

«Таких громадных людей не бывает, — уверенно заявил Диего. — По-моему, это чья-то глупая шутка».

С ним согласились и Анни, и Гастон, и профессор, но было заметно, что последний при всем своем неверии в потусторонние силы испытывает некоторую оторопь.

Как бы там ни было, сошлись на том, что следы — безделица, и не надо придавать им значения. С этой мыслью, озвученной Гастоном, пожелали друг другу спокойной ночи и разошлись по комнатам.

Анни не спалось. Она прислушивалась к звукам, доносившимся из-за стены. Профессор и Гастон о чем-то переговаривались, но делали это шепотом, и она не разобрала ни слова. Однако она готова была поклясться, что это не просто беседа, а острый, если не сказать, ожесточенный, спор. Через час или полтора он затих, какое-то время в доме властвовало безмолвие, затем до слуха Анни вновь долетел шепот. Говорил профессор, Гастон что-то ему отвечал. Скрипнула дверь, и опять все затихло, лишь слышался вой метелицы, явившейся за бревенчатыми стенами.

А дальше произошло вот что. В дверь комнаты тревожно постучали. Диего, спавший на полу, подскочил и приоткрыл ее. За нею стоял профессор с зажженной свечой в руке.

34 Он в ужасе проговорил:

«Идемте, идемте! Гастон!..»

Накинув шубы, Анни и Диего выскочили вслед за ним во двор. Свечу сию же секунду задуло неистовым ветром, но Анни разглядела недвижимое тело, лежавшее возле крыльца. Профессор, давясь ледяным воздухом, в двух фразах пояснил, что посреди ночи их с Гастоном разбудил какой-то шум — точно снег хрустел под ногами грузного человека. Гастон вызвался посмотреть, что там такое, и, вооружившись старым ружьем, имевшимся у профессора, вышел на улицу. Он отсутствовал минут десять, профессор забеспокоился, выглянул сам и...

«Передо мной было вот это, — он показал дрожащей рукой на тело у крыльца, — и я позвал вас».

Диего спустился по ступенькам, поднял страшную находку и перенес ее в дом. Здесь профессор зажег еще две свечи, и они ярко осветили бледное лицо Гастона — каменное, застывшее, уже начавшее покрываться изморозью.

«Что с ним? — воскликнул профессор и подкинул дров в печку, где еще искрились не догоревшие с вечера угли. — Он жив?»

«Вряд ли. — Анни превозмогла оробелость и сдернула с Гастона шапку, отчего его голова деревянно стукнулась о половицу. — Видите? У него висок прострелен».

Действительно, в черепе Гастона, рядом с левым ухом, чернело отверстие диаметром с монету. Кровь не вытекала оттуда, но в этом не было ничего необыкновенного, если учесть, что труп еще не отошел от действия арктического мороза.

«Он убит? — Профессор выпучил глаза. — Но как?! Я не слышал, чтобы кто-то стрелял!»

Анни призналась, что и она не слышала ни щелчка, ни треска, хотя завывания метели не могли заглушить выстрел.

Мертвый Гастон сжимал в ладони старенькое ружье. Диего не без труда высвободил приклад из оцепеневших пальцев и определил, что из этого оружия не стреляли, по меньшей мере, месяца два или три. А еще он сказал, что, когда переносил мертвеца в дом, на снегу у стены виднелись свежие следы неведомого титана.

«Я не верю ни в каких Черных Свенов! — вскричал профессор. — Его убил человек. Но каким образом он это сделал?»

В деревеньке жил лекарь-самоучка. Его выдернули из постели еще до наступления рассвета. В профессорском доме он осмотрел уже оттаявшего покойника, поковырялся в ране заостренными щипцами, потом какой-то штуковиной, напоминавшей штопор, и вынес вердикт: пули в раневом канале нет.

36 Кроме того, на коже Гастона не отыскалось

частиц пороха, при том, что, судя по величине отверстия, стрелять должны были практически в упор.

«Итак, что мы имеем? — подытожила Анни. — Его застрелили невидимой пулей из бесшумного ружья и без применения пороха».

«Чертовщина, да и только! — развел руками Диего. — Убийцу, надо полагать, тоже никто не видел?»

Он был прав. Но кому бы в захолустном селении пришло в голову наблюдать за домом профессора, да еще и в такую скверную погоду, когда в двух шагах ничего не разглядишь?

Власть в деревне была весьма условной — правление осуществлял... не знаю, как он правильно называется, пусть будет старейшина. От своих односельчан он отличался тем, что умел считать до ста и ставить подпись. Этот достойный муж, проведав об убийстве, очень испугался и приказал доставить Гастона в ближайший городишко с совершенно непроизносимым названием. Там квартировал судебный пристав, который мог произвести расследование.

Труп увезли, но покой не восстановился. Деревня колобродила, обсуждая происшедшее. Легко догадаться: в мозгах непросвещенных людей зрела одна и та же мысль: чужеземца убил Черный Свен. Что он имел против Гастона, никто не мог взять в толк, но этим

вопросом и не задавались, ведь призраки руководствуются собственной логикой, которую простым смертным не постичь.

Старейшина был чуть ли не единственным из местных, кто не верил в происки лукавого. Или верил, но стыдился поддерживать досужие вымыслы, считая, что это не сообразуется с его высокой должностью. Поэтому он своей волей определил круг из трех подозреваемых, в который вошли Анни, Диего и профессор.

Согласись, он рассуждал здраво. Следы Черного Свена еще не были замечены полностью, когда прибежали соседи, которые оказались охотниками и неплохими следопытами, но никто из них не сумел определить, откуда пришел колосс, оставивший эти отпечатки. Следы начинались у крыльца, огибали его и обрывались под стеной, будто бы великан спустился с неба, потоптался и снова вознесся под облака. Не отыскалось никаких признаков того, что к избушке подходил кто-то еще. Поэтому к профессору и его гостям приставили двух здоровенных мужиков, каковым вменили в обязанность никого не выпускать из дома вплоть до приезда пристава.

Профессор воспринял вынужденное затворничество стоически. Смерть Гастона, похоже, серьезно повлияла на него, он замкнулся в себе, впал в апатию и часами возился со своими приборами, что-то разбирал, соби-